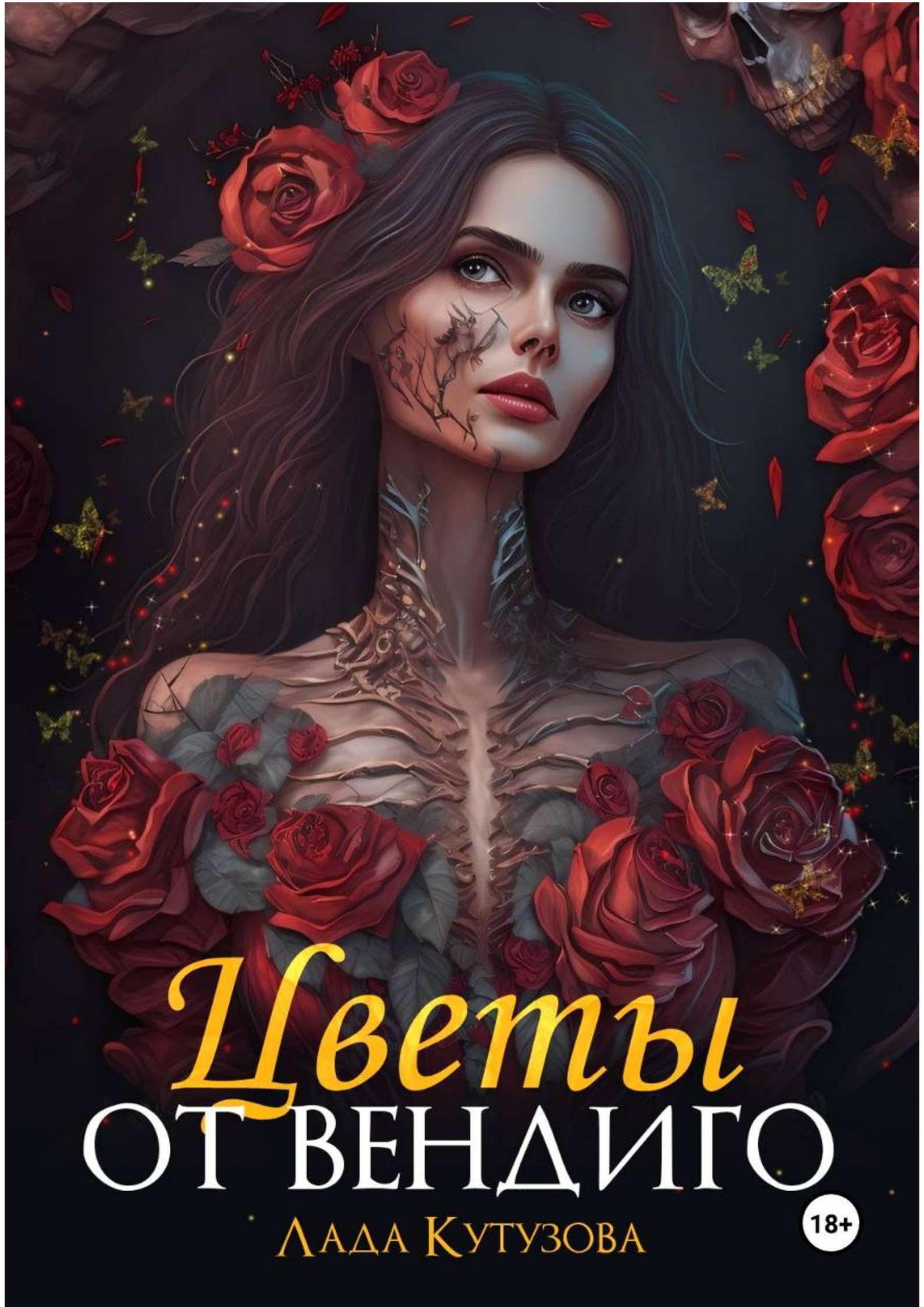

Цветы ОТ ВЕНДИГО

ЛАДА КУТУЗОВА

18+

Лада Кутузова

Цветы от вендиго

«Автор»

2026

Кутузова Л.

Цветы от вендиго / Л. Кутузова — «Автор», 2026

СССР трещит по швам, но для Весты Багратионовой куда ужаснее, что рушится её собственный мир. На обломках старой империи возникает новая, но что делать восемнадцатилетней студентке со своими личными руинами? Она безнадежно влюблена в Лешку-Магадана, а тот держит ее на расстоянии, играя чувствами. Днем Весту терзают отчаяние и неуверенность, а ночью во сне к ней приходит вендиго, ненасытный дух голода и зимы из индейских легенд, и зовет за собой.

© Кутузова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Эра дефицита	6
Глава вторая. Леха-Магадан	11
Глава третья. ЛГПИ	15
Глава четвертая. Факультет математики	18
Глава пятая. Совместный труд разделяет	22
Глава шестая. Единичная матрица	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Цветы от вендиго

Пролог

2015 год.

Двое мужчин неспешно шагали по проходу купейного вагона. Освещение в поезде было приглушено, сгустившийся сумрак за окном, разбавленный вспышками случайных фонарей, казалось, прилип к стеклам.

– В студенческие годы началось, – вполголоса произнес один из мужчин, одетый в форму проводника. – Я тогда в общежитии жил на Парке Победы.

Он слегка обернулся, чтобы собеседник лучше слышал. Обоим было за сорок – возраст, когда накопленный опыт преобладает над юношеским задором, но в душе у тебя еще все только начинается.

– Всякое странное, – продолжил проводник. – Будто кто-то бежит в коридоре. По ночам.

Он резко повернул голову к окну: на мгновение померещилось, что там, по ту сторону стекла, промелькнула чья-то тень. Проводник пристально взгляделся в сумрак, черты его лица заострились, он нервно облизал губы. В окне отразился проход вагона с двумя мужчинами и бесконечная ночь, укутывшая железнодорожные пути, столбы с повисшими на них проводами, и заснеженное поле.

– И бежит, и бежит... – проводник открыл дверь тамбура, его собеседник кивал, погруженный в собственные мысли. – В какой-то момент понял, что не выдерживаю – крыша едет. Страшно до жутиков. Бросил институт к чертовой матери и уехал из Ленинграда. Навсегда.

Они перешли в другой вагон.

– Четверть века не виделись, – собеседник, наконец-то, вынырнул из дум. – Я бы тебя в жизни не узнал.

– Да и я тебя только по паспорту...

В окно что-то стукнулось, проводник вздрогнул, но и в проходе, и вне поезда все было по-прежнему спокойно.

– Нервы ни к черту, – пожаловался он, – сплю плохо, ноги крутит.

– Магний попить надо, – посоветовал собеседник, – помогает. Ну, ладно, утром пересечемся.

Они обменялись рукопожатием, и собеседник ушел в купе. Проводник широко зевнул: до станции больше часа, успеет вздремнуть. Он направился в свой отсек, когда в окно что-то вновь ударило. Проводник дернул головой: через стекло на него смотрела полурасплюсневшая голова оленя. Остекленевшие глаза глазели в никуда; изъеденные губы обнажили гнилые десны и пожелтевшие зубы зверя, между ними свисал распухший язык; один рог держался на лоскуте кожи, обнажив череп.

Проводник стоял, не в силах пошевелиться, между его ног растекалась лужа. А потом олень заговорил, его слова эхом отразились в ушах мужчины:

– Побегает? Мы славно побегает.

И тогда проводник заорал на весь вагон, на весь поезд, и его крик повторил паровозный гудок.

Глава первая. Эра дефицита

1990 год.

Веста вышла из троллейбуса, с трудом таща неподъемную сумку. На остановке она закинула ношу на плечо – остался последний рывок. Обычно Веста добиралась до общежития от метро Парк Победы, но там пешком минут двадцать, а сумка... наверное, в четверть веса от Весты – пупок развяжется, поэтому пришлось выходить на Электросиле и ждать троллейбус.

– Девушка, вам помочь? – предложил какой-то мужчина.

Веста скользнула по нему настороженным взглядом:

– Спасибо, не надо.

Ага, донесет сумку, а потом попытается познакомиться, и Веста не будет знать, как от него избавиться. Лучше сама, тем более, тут рядом. Она перешла дорогу, обогнула один из корпусов студенческого городка и увидела родной – совсем скоро она будет у себя.

Веста невольно прибавила шаг: хочется уже передохнуть. Кто-то распахнул окно на четвертом этаже, и солнечный луч, пойманный в створку, отразился в глазах Весты, и на мгновение она ослепла. Видимо из-за этого, когда временная слепота прошла, ей показалось, что вместо четвертого корпуса перед ней возник огромный провал, словно кто-то вырезал кусок пространства, заменив его черной дырой. Веста проморгалась: померещится же!

Веста Багратионова приехала в общежитие одна из первых – в среду двадцать девятого августа. Внизу ее встретила строгая вахтерша баба Маша – она сверила Вестину физиономию с каталогом, хранившимся в безднах ее памяти. Поговаривали, что во время Великой Отечественной войны вахтерша воевала в партизанском отряде. Было ли это как-то связано между собой, Веста не знала, но против фактов не попрешь: своих студентов баба Маша знала в лицо, к остальным проявляя повышенную бдительность. Чужим вход в общежитие позволялся только в сопровождении аборигенов четвертого корпуса и строго до десяти вечера с обязательным занесением соответствующей записи в тетрадь: зашел-вышел.

– Доброе утро, – с вахтершей лучше быть вежливой – пригодится.

– Какое доброе? – баба Маша вежливостью не отличалась – была сурова, как цепной пес.

– Понаехали уже, лето кончиться не успело.

Веста с замиранием сердца подошла к лифту: не дай бог, не работает – такое иногда случалось. Тогда придется переться по лестнице, проклиная все на свете и делая передышки на площадках между этажами. Но удача оказалась на ее стороне, и Веста поднялась на лифте на самый верхний – десятый – этаж. Комната располагалась недалеко от лестницы, напротив кухни: двести сорок четвертый номер – легко запомнить и найти. Веста с облегчением сняла с плеча тяжеленую ношу – еле дотащила. Родители, как обычно, нагрузили ее по полной: консервы, соленья с вареньями, плюс, одежда – сумка сделалась неподъемной.

Веста выдохнула и огляделась. В комнате было шаром покати: на все лето первокурсники освобождали помещение для туристов – общежитие зарабатывало на тех деньги. Веста недовольно сморщилась: придется весь день убить на уборку, но вариантов нет – рабство давно отменили, да и не с ее происхождением мечтать о слугах. Она нашла старосту этажа Андрея Достойного, он жил в самом конце коридора, напротив мужского туалета.

– Мне вещи забрать, – объяснила Веста свое появление.

– Начни жизнь с чистого листа, – пошутил Андрей, на что Веста скривилась: да-да, спешит и спотыкается.

Андрей отвел ее в комнату, оборудованную под временный склад, и Веста перетащила в несколько заходов нехитрое имущество: посуду, ведро, веник со шваброй и прочее. Староста и его сосед помогли донести холодильник, благо тот небольшой: всего две полки и микроморозилка. После Веста сбегала к комендантше, чтобы получить белье.

Комендантша отсутствовала – у нее начался перерыв на обед. Веста мысленно возмутилась: что ж так не вовремя-то?! Заняться Весте больше нечем: спустись на второй этаж, поднимись на десятый, да еще и ни по разу... Но деваться некуда, пришлось возвращаться с пустыми руками. Первым делом Веста разобрала сумку, включила холодильник и поставила чайник: немного перекусит, а затем в магазин. На огромной кухне, кроме Весты, никого не было, все подтянутся завтра-послезавтра, как и Лены – Вестины соседки по комнате. И эта пара дней – ее законное право побыть в одиночестве, хотя одиночества как раз и не хотелось.

Пока чайник стоял на плите, Веста проверила соседние комнаты: приехала только Копытова – тоже Лена, среди ровесниц это было самое популярное имя. В начале семидесятых на каждую сотню новорожденных девочек приходилось четырнадцать-шестнадцать Лен, словно страна пыталась выполнить какой-то план или увековечить память дедушки-Ленина.

– Ты как? – Копытова также разбирала вещи.

– В магаз собираюсь, – доложила Веста.

– Я уже ходила, – Копытова энергично встряхнула скатертью, и Веста решила ее не отвлекать.

Вообще-то, больше всего Весту интересовало: явился ли уже Лешка, по прозвищу Магадан? Это можно было выяснить, просто постучав в его дверь. Просто и одновременно сложно, как и все, связанное с Лешкой, – прямо как с котом Шредингера.

Выпив чая с вареньем, Веста отправилась в магазин за продуктами. Они с Ленами обычно скидывались в начале месяца и потом брали из заначки деньги, но сейчас закупка необходимым ложилась на ее плечи: приехать первой – не всегда плюс. Чаще это огромный минус: притащить вещи, разобрать их, сделать уборку... Веста не любила ходить в магазин одна, с соседками было намного веселее и к тому же проще принимать решения.

Магазин располагался через перекресток – пешком минут семь – на первом этаже кирпичного девятиэтажного дома. Полки богатством выбора не радовали. Веста отстояла небольшую очередь за яйцами и сливочным маслом. Там она чуть не поругалась: в очередь перед ней попыталась влезть какая-то наглая тетка, на голубом глазу утверждавшая, что Весты здесь не стояло.

– Я с неба, что ли, свалилась?! – возмутилась Веста. – Глаза протрите, если не видите.

Хорошо, что продавщица заступилась за Весту, и тетке пришлось пропустить Весту вперед. Веста получила у продавщицы клочок бумажки с номером отдела и суммой. В другом отделе Веста набрала макароны, бутылку растительного масла, черный и белый хлеб, плюс, пакет молока – на первое время хватит. К тому же Лены тоже не с пустыми руками явятся; Кукушкину, наверняка, родители на машине привезут, так что те же продукты доставят по максимуму. Ну и Званову с вещами захватят – они из одного города.

Взяла еще и пару сырков – Веста любила их, но в родной город их отродясь не завозили, впрочем, как и ряженку, сосиски, эскимо и прочие продуктовые излишества. Например, мороженого было всего три вида: крем-брюле, шоколадное и сливочное. Если завозили мороженое в вафельном рожке, за ним выстраивалась огромная очередь.

Из хлеба только черный и белый хлеб буханкой и батон. Бананы Веста впервые попробовала, будучи подростком; они ей не особо понравились – она отдала свою часть сестре. И Веста с детства запомнила, как впервые попробовала пирожное-картошку – его принесла баба Галя из вокзального буфета. Для Весты оно долго оставалось любимым, но редким десертом.

Веста рассчиталась на кассе, вернулась в отделы, продемонстрировала чек и забрала продукты. Она переложила яйца с картонных решеток в пакетик – так проще нести. У отца Весты тоже имелся автомобиль – «москвич», но папа никогда в Ленинград не ездил, хотя добираться всего пять часов – он боялся большого города и терялся на его улицах. Парнем Веста не обза-

велась, так что встречать ее было некому, как и провожать, поэтому приходилось самой таскать сумку.

Веста представила: было бы здорово, если бы все можно было приобрести в магазине! Но те же шпроты доставала мама – а так, попробуй, купи их! – да и остальные продукты... За колбасой несколько раз сходишь в надежде, что, наконец-то, завезли. Веста размечталась: а классно было бы просто позвонить в магазин, продиктовать список, а потом зайти за заказом. Или чтобы домой принесли, но это прямо несбыточная мечта!

В вестибюле корпуса Веста зашла в телефонную кабинку: мама сейчас на работе, так что удастся поговорить. Веста набрала межгород и скормила аппарату мелочь – одна минута межгорода стоила пятнадцать копеек, дорого.

– Нормально доехала? – поинтересовалась мама.

– Еле дотащила, – пожаловалась Веста.

– Ничего, спина же не отвалилась, – мама была права, другой возможности привезти нужное все равно не было, так что ныть смысла нет.

Веста поднялась в комнату и переделалась: напялила спортивные штаны зеленого цвета, футболку, поверх – любимую клетчатую рубашу того же цвета, что и штаны. Все, на улицу она сегодня ни ногой!

Белье Веста получила в последний момент – комендантша уже собралась уходить. Она с раздражением возилась с замком и бубнила под нос: «Бегают ему по коридору... А кому бегать-то? Сами и носятся, как лошаки!» Веста словила неприязненный взгляд комендантши – та явно торопилась смотаться восвояси, но Весте было по барабану – без постельного она не уйдет.

На стене комендантской комнаты висел большой календарь с лохматой теткой, сверху нарисованы цифры: 1990, будто кто не знал, какой год за окном. Веста тщательно проверила белье на предмет пятен и сохранности: всяко бывало – то не отстиранное кровавое пятно на наволочке, то простыня из одних дырок. Убедившись, что все в порядке, она поднялась в комнату: можно заправить кровать.

Пока все ее вылазки не привели к желаемому результату: Лешку в коридоре Веста так и не встретила. Ну не могла же она, как последняя дура, пойти в его комнату. Чтобы он убедился, что она за ним бегаёт? Вот еще! Не дождется! Тем более... Тем более, что это он должен бегать за Вестой, а не наоборот. Ну, почему у нее все так сложно?

В дверь постучали. Веста подпрыгнула: наконец-то! Она окинула комнату быстрым взглядом: все убрано, можно открывать.

– Иду! – она поспешила к двери.

Вместо Лешки на пороге стояла Люда Шмелева, и Веста с усилием подавила вздох разочарования. Люда училась в четвертой группе, родом она была из Сланцев – города, про который Весте знать ничего не хотелось – наверняка, ничем не лучше ее родного. С Людой они приятельствовались. Не дружили, у Весты были другие подруги, но в выходные, когда многие разъезжались из общежития, именно с Людой можно было скоротать вечер.

– Пошли чай пить, – предложила Шмелева, – я пироги привезла.

Веста замялась: а вдруг, пока она ходит, придет Лешка? Будет очень обидно. И тут же разозлилась: может, его и в городе нет, хотя в городе он быть должен – Магадан завалил летнюю сессию, а потому в начале сентября ему предстояла пересдача. Именно из-за этого Веста и не находила себе места: если Лешка и пересдачу завалит, его заберут в армию – два долгих года без него.

– Давай, – Веста придумала выход: оставит в двери записку, что она в двести сороковой комнате. Вряд ли Лешка туда заглянет, но хотя бы будет знать, что она здесь.

С Людой Веста проболтала больше часа – обменивались впечатлениями от лета. Веста задержалась бы еще, но мысли о Лешке не давали покоя – Весте хотелось раздвоиться, чтобы находиться в двух местах одновременно.

– Я, кстати, Магадана видела, – мимоходом ляпнула Люда, и Веста чуть не подпрыгнула: он здесь?!

– Где? – нарочито бесстрастно уточнила она.

– На пустыре, шел куда-то, – Люда не подозревала об истинном отношении Весты к Лешке и сообщила, просто потому что к слову пришлось.

– Пойду, пожалуй, – засобиралась Веста.

– Завтра в институт поедешь? – поинтересовалась Люда.

– Да, надо расписание узнать, – они договорились отправиться вместе.

Записка находилась на прежнем месте; не похоже, чтобы кто-нибудь доставал ее. Настроение рухнуло: неужели они не увидятся до приезда Ленок? Весте мечталось побыть с Лешкой наедине: может, скажет, что скучал, хотел увидеть ее... В августе ей исполнилось восемнадцать, она теперь совершеннолетняя! Родители накрыли стол: тушеное мясо с картошкой, шпроты, два салата и торт, а еще шампанское – теперь официально можно.

Пришли школьные подруги, еще не разъехавшиеся к местам учебы, хорошо посидели, как взрослые. Весте очень хотелось, чтобы в этот день рядом был Лешка, но, естественно, он не приехал: не знал, где Веста живет, а домашнего телефона у нее не имелось – в городе их мало у кого было. Да Лешка и не спрашивал.

Веста приготовила яичницу – ей хватит, чтобы перекусить. Она раздумывала, поставить ли чайник, как в дверь постучали. Веста кинулась к зеркалу: все нормально, тушь не осыпалась, стрелки не размазались. Веста открыла дверь – на пороге маячила Копытова! Ну что ж такое-то?!

– Свободна? – полуутвердительно спросила Лена, Веста посторонилась, пропуская ее, и Ленка села за обеденный стол.

Комната, в которой жила Веста, делилась на три пространства. Небольшой закуток у входа – прихожая. Слева от входа находился шкаф под одежду; напротив, в нише, – вешалка с крючками под верхнюю, там же ставили обувь. Отделялась прихожая от остального помещения шторой.

Второе пространство – кухня. Справа вдоль стены стоял стол, на нем, боком к нише – холодильник. Перпендикулярно к первому столу располагался еще один – за ним и ели. Этот стол примыкал к блоку – сложному сооружению, состоящему из деревянной кровати, полки для книг над ней и тумбочки. С задней стороны блок был обшит фанерой.

Кухня отделялась от следующего отсека узким проходом. В спальне первым делом, в глаза бросалось большое окно, справа от него – блок Звановой, слева – Вестин. Поперечный блок принадлежал Кукушкиной. К окну примыкал большой стол, за ним и учились. Такое разделение пространства создавало в комнате подобие уюта и позволяло не мешать друг другу, если кто-то учится, а к кому-то в этот момент заявились гости.

...Веста с Леной неспешно пили чай с клубничным вареньем. Копытова рассказывала, как провела лето на море – она с родителями ездила в Крым. Веста из родного города этим летом никуда не выезжала: на море она была с бабушкой в детстве пару раз и... на этом с морем всё. Родители в принципе, кроме Вологодской области, нигде не бывали – почему так сложилось, Веста не задумывалась.

У Копытовой было море, у Весты – книги. Почти все лето она провела за чтением: чем еще заняться в родном городе? Веста с удовольствием бы осталась на все лето в Ленинграде – уж там бы она нашла, куда пойти, но для первокурсников такого варианта не существовало.

– Во сколько завтра в институт? – поинтересовалась Копытова, они с Вестой учились в одной группе.

Веста пожала плечами: как выспится, как соберется...

– В одиннадцать или двенадцать.

– Мы с Риткой договорились в десять встретиться, – Копытова зевнула, Веста с трудом удержалась, чтобы не зевнуть в ответ – время приближалось к девяти вечера.

– Еще чая? – дипломатично спросила она с надеждой, что Копытова откажется, и в этот миг в дверь постучали.

Глава вторая. Леха-Магадан

Сердце подпрыгнуло, Веста облизала пересохшие губы: неужели все-таки Лешка? Она приняла безразличный вид: не будет же, как дурочка, показывать, что обрадовалась парню, которому до нее нет никакого дела. Веста открыла дверь: да, там стоял именно он – Леха-Магадан.

– Привет, – как можно небрежнее поздоровалась она.

Сердце, точно бешеное, заколошматилось о грудную клетку, Веста почувствовала слабость: как себя вести, что сказать? Вроде готовилась, сотню раз репетировала, и все мгновенно вылетело из головы. А еще, как нарочно, Ленка тут! Ну, вообще! Больше всего Веста боялась в этот момент, что Копытова надумает задержаться, но Ленка снова зевнула и отправилась к себе.

– Чай будешь? – Веста спросила для галочки, она и так знала ответ.

– Даже с бутербродом, – Лешка заглянул в холодильник и вытащил оттуда сливочное масло.

Веста вновь поставила чайник – не поить же Лешку холодным.

– Что летом делал? – она села рядом.

Магадан тем временем пожирал варенье, намазанное на бутерброд с маслом:

– Проводником работал.

– А-а, – Веста не знала, что он оставался в Ленинграде – Лешка об этом не предупреждал. Она была уверена, что он не сможет приехать к ней на день рождения, потому что улетит в свой далекий Магадан. – И как?

– Знаешь, – Лешка поерзал на стуле, усаживаясь поудобнее, – фишка одна есть.

Веста превратилась в слух: ее интересовало все, связанное с Лешкой, но первой спрашивать она стеснялась – возомнит еще чего о себе!

– Когда белье берешь, дают иногда влажное. Типа не досохло.

– И что? – Веста неотрывно смотрела на него: есть законный повод – они же по делу общаются!

– Это от прошлого пассажира. Специально сбрызгивают водой и складывают в мешок, чтобы разгладилось. Потом продают по второму разу, а деньги себе в карман.

Веста мысленно переваривала: вроде такое белье ей попадалось. Фу, гадость какая! Хорошо, что Лешка предупредил – в следующий раз она не даст себя обмануть.

– А я день рождения отпраздновала! – больше всего Весте хотелось, чтобы Лешка как-нибудь отреагировал: про свой день рождения она говорила ему и до каникул.

– Расти большой, не будь лапшой, – Лешка потянулся за вторым бутербродом. – Поздравляю. И давай, чай гони.

Веста сходила за чайником. Магадан пил чай и откусывал от бутерброда большие куски, а Веста обиженно сидела рядом: неужели он ей совсем ничего не скажет? Все-таки она ему нравится, а не просто так... Или не нравится? Ответа на этот вопрос Веста не знала.

Все началось год назад, когда Веста поступила на первый курс. Семнадцать лет, вся жизнь впереди, ты вроде как взрослая, но еще немного ребенок – при необходимости о тебе есть кому позаботиться. Самое прекрасное время жизни! С другой стороны, новая жизнь пугает. Ладно, когда ты в своей квартире рядом с родителями, а тут все совсем иное: общежитие с общей кухней и туалетом в конце коридора, соседки, с которыми жить пять лет, и вся ответственность за тебя ложится именно на тебя.

Лешка появился в их комнате осенним вечером – его привел Сашка Темчинов. С Сашкой познакомилась Званова, точнее, он с ней. Сашка был красивый, даже очень, внешне он уступал

только Алену Делону. Веста бы с удовольствием заполучила Сашкины глаза, будь такой обмен возможен: темно-синие, да еще в окружении длинных черных ресниц, которые загибаются! Вот зачем парню такие ресницы?

Лешка на фоне Темчина проигрывал: фигура у него тоже была хорошая – выше среднего роста, плечистый, но внешне... Лешка был блеклый: блондин, светло-серые, почти водянистые глаза и белесые же ресницы. Весте он сразу не понравился и не нравился еще долгое время, особенно после того как повадился приходить в двести сорок четвертую комнату на ужин.

Ну, в самом деле! Привези или купи эти продукты, приготовь из них – сколько времени и трудов требуется, и только садишься за стол, как стук в дверь, и на пороге возникает Магадан. Веста справедливо негодовала: она не подписывалась кормить здорового лба, но Лены... «Как это не быть вежливыми?» Да молча! Веста в один вечер так и выпалила Лешке напрямую, что у них здесь не столовая, из-за чего поругалась с соседками.

В общем, ничего не предвещало, что Веста влюбится в Лешку – ничегошеньки, к тому же он еще и ленивый оказался, что в понимании Весты делало его совсем негодным в качестве будущего мужа. И вот зачем на него время тратить? Единственный Лешкин козырь – его ум, плюс, Лешка был находчив – за словом в карман не лез. Веста тоже оказалась остра на язык, на этом они и зацепились друг за друга.

Тот же Темчинов, несмотря на смазливость, был малость туповат. О чем с ним говорить? Челюсть от зевоты свернуть можно. А вот с Лешкой... Веста чувствовала себя рядом с Магаданом, как на канате, протянутом над бездной, – чуть оступишься, и Лешка тебя безжалостно высмеет. С ним ни в чем нельзя быть уверенной.

Но все-таки она влюбилась в него не поэтому. Вообще, все получилось глупо. Веста и сама не помнила, из-за чего поспорила с Ленами. Поспорила по-взрослому – на ящик шампанского, хо-хо. Мол, если Лешка в нее влюбится, то Званова и Кукушкина покупают ящик шампанского, если нет – то проставляется Веста. Наверное, кто-то ему рассказал о пари, иначе как объяснить, что Магадан в Весту не влюбился? И да, Веста спор проиграла, но соседки шампанское ей простили – они не были уверены, что у Весты ничего не получилось.

Лешка сожрал все бутерброды, Весте пришлось подливать ему чай.

– Пересдача когда? – задала она волновавший ее вопрос.

– Скоро, – неопределенно ответил он.

В этом и был Магадан: никогда он не говорил однозначно, вечно все с каким-то подвохом и туманно, лишь бы помучить Весту.

– На этой неделе? – она попыталась уточнить, но Лешка пожал плечами. – Ну, ты хотя бы готовился?

– Спишу, – после такого ответа Весте захотелось отвесить ему увесистую затрещину. А если не спишет, что, отправится в армию?

Парни постарше уже отслужили – тот же Темчинов и Достойный, но Лешка поступил в год, когда учеба в институте стала давать отсрочку, и теперь Веста совсем не желала, чтобы Магадан оказался далеко от нее на целых два года.

Лешка снова ничего не сказал конкретного, и Весте сделалось грустно: ей хотелось совсем другого. Хотелось сказать, что она переживает за него, что все лето скучала, что много раз представляла эту встречу, воображала, как он обрадуется. Ждала от Лешки письма, хотя и не давала адрес – вдруг, у Ленок спросил? Ждала какой-то – пусть крохотный – знак внимания, подтверждение, что она что-то для него значит. Но унижаться, вымаливая это внимание, – увольте, Веста себя не на помойке нашла.

– Ладно, я пошел, – Лешка даже не удосужился помыть чашку – это тоже была Вестина обязанность, всегда. Вроде как он ходит к ней, хотя и не ходит, и, в общем-то, все непонятно.

Перед сном Веста вновь и вновь перебирала: что она сказала, что ответил Лешка, как посмотрел, как она выглядела при этом – не выдала ли себя случайно? Может, надо было что-то другое сказать, сделать, вести себя иначе? Эх, жаль, что нельзя ничего изменить и проверить, сработает ли...

Лешка постучал в дверь, Веста открыла ее, точно зная, кто там. Ее охватила уверенность, знакомое предвкушение, что сейчас будет так, как должно быть. Там стоял именно он – Лешка-Магадан, Веста вглядывалась в его лицо, жадно, стараясь запомнить, присвоить себе каждую его черточку.

– Я скушал, – произнес Лешка, и от радости Веста забыла, как дышать.

Магадан сграбастал ее в объятия, и...

Весту переполняло счастье: вот же, как здорово! Лешка признался, что тосковал! Теперь все будет ясно и понятно, они станут парой, и можно не скрывать свои чувства! А потом Веста осознала: это был лишь сон – такой реальный и настоящий, цветной, с яркими эмоциями, но всего лишь сон. А в жизни все по-прежнему, и они с Магаданом – чужие люди.

Ее охватило уныние: она не понимала, что делать? Веста привыкла «брать» задачи, она была призером олимпиад по математике. Нет, ее не натаскивали на их решение. Учительница давала Весте задачи на пару дней, и девушка решала их по вечерам. Могла отложить задание и засесть с книжкой, но лишь для того, чтобы после обязательно вернуться к задачам. Самый смак состоял в том, чтобы самой придумать решение, совершить прорыв, взять очередную вершину, стать на голову выше остальных – крутое ощущение. Да, с заданиями было проще...

Веста легла на бок, устраиваясь поудобнее: еще ночь, даже светать не начало. И в этот момент сверху раздался неприятный звук, будто кто-то двигал стулья над головой. Веста вздрогнула: не только из-за звука, но и от осознания того, что ее комната находилась на верхнем этаже – над ней никто не жил.

По идее, на чердаке могли бы поселиться бомжи, но кто бы их пустил? И даже если они каким-то странным способом проникли в общежитие, то как бы попали на чердак, которого просто нет, – железная лестница, перекрытая решеткой, вела прямо на крышу; Веста там загорала в июне, когда готовилась к экзаменам.

Веста попыталась сообразить: может, это какой-нибудь очень маленький чердак, почти незаметный? Такой, что только ребенок по нему пройдет или взрослый – на карачках? Но зачем там ползать и волочить что-то за собой?

Вестины нервы обострились, она вся съежилась от напряжения, ее била мелкая дрожь. Пошевелиться было страшно, ее охватил липкий ужас. Веста усилием воли выпростала из-под одеяла руку, нащупала настольную лампу, стоявшую на тумбочке, и включила ее. Свет, конечно, мешал, но при нем было не так страшно, и Веста выдохнула: всему есть логическое объяснение, просто она его не знает.

...Веста взглянула на будильник: восемь утра, можно еще час подряхнуть, раньше одиннадцати они с Людой не выедут – спешить некуда, да и надо отоспаться после ночного происшествия. Кошмар почти забылся, и Веста потянулась: приятно ощутить каждую мышцу, каждую клеточку тела – все то, что называется жизнью. Люди спорят о ее смысле, философы пишут многостраничные трактаты, писатели сочиняют романы, режиссеры снимают об этом фильмы, но в такие моменты явственно понимаешь: смысл жизни – в ней самой. Она сама по себе смысл всего.

Веста встала через час – можно потихоньку собираться. Быстро она тоже умела, но не любила. Лучше проснуться на полчаса пораньше, но зато позволить себе позависать за завтраком и макиажем – Веста терпеть не могла торопиться, это изрядно ее раздражало. Она нашла на тумбочке очки, и мир сразу приобрел ясность.

Еще Веста не любила очки: ей казалось, они уродуют ее. В школе она пользовалась ими исключительно в классе, чтобы списывать с доски, в институте – только на занятиях. В остальное время Веста игнорировала их существование, а потому окружающее делалось зыбким и нечетким, а люди превращались в смутные силуэты, узнаваемые лишь на близком расстоянии. А порой и не узнаваемые, что давало людям, мимо которых проходила Веста, даже не поздоровавшись, повод считать ее заносчивой.

В умывалку и обратно, затем на кухню – Веста старалась поменьше мелькать в коридоре, пока не накрасится. Без макияжа она была точно голая – Веста не считала себя красавицей, а потому старалась исправить ошибки природы доступными средствами. Хотя, положив руку на сердце, Веста была хорошенькой, только вот самомнение, имеющееся у нее в большом количестве, давало сбой в области внешности.

Веста включила радио погромче и принялась подпевать звучавшей песне. Боженька обделил ее слухом и голосом, потому Веста исполняла любимые песни обычно в одиночестве, чтобы не травмировать слух окружающих. Она даже отложила косметичку и стала танцевать. Веста несколько лет ходила в танцевальный кружок, поэтому неплохо двигалась.

В дверь постучали, это оказалась Люда:

– Через час выходим? – уточнила она.

– Через полтора лучше, – Веста прикинула свои возможности – торопиться совсем нет желания.

Она вернулась к макияжу. Достала из косметички синий карандаш и нарисовала стрелки, затем на подвижное веко намазала серебристые тени. После взяла коробочку с тушью, поплевала в нее и щеткой нанесла тушь на ресницы. Ресницы не отличались природной длиной, поэтому Веста не скупилась на краску, чтобы нарастить их – вышло, как надо.

Веста придирчиво изучила отражение в зеркале – нормально, осталось только накрутить локоны. Она включила плойку в розетку, дождалась, когда та нагреется, и принялась крутить кудри. Каждый завиток Веста сбрызнула лаком – по ленинградской погоде совсем не лишнее, тут вечная сырость.

Волосы у Весты всегда были длинные – до бедер, но перед выпускным она обрезала их до лопаток и сделала химию. Химия – было модно, а еще удобно: укладка на химии держалась лучше, к тому же давала дополнительный объем. Веста собрала волосы в хвост: ну что ж, теперь можно и позавтракать. Чай с сырком вполне решит этот вопрос.

Глава третья. ЛГПИ

На кухне Достойный тряпкой оттирал какой-то рисунок со стены. Веста узрела темно-бурые разводы, цветом похожие на заветревшееся мясо, и отвернулась: фу-у, ну и гадость! Достойный подошел к раковине и принялся полоскать тряпку, вода окрасилась в красный.

– Узнаю, какая скотина это сделала, уши надеру, – его очки недобро блеснули.

Веста пожала плечами: она-то тут причем? Ей, что, заняться больше нечем, как стену краской обмазывать? Да и кому, вообще, такое в голову пришло? Глупость какая-то! Вот Андрею не повезло, что семестр еще не начался, а потому вся уборка упала на его плечи, иначе бы отдувались дежурные по этажу. Она сочла за лучшее отмолчаться.

На завтрак Веста решила съесть сырок, и вот незадача – он оказался кислым. К сожалению, сырки быстро кисли при неправильном хранении, особенно летом, поэтому пришлось довольствоваться бутербродом. После завтрака осталось только одеться – не могла же Веста пойти в институт, как чучело. Она открыла шкаф и придирчиво изучила привезенную одежду. Пока дождя нет, можно обойтись без плаща – днем обещали около восемнадцати градусов, так что Веста не замерзнет. Через несколько минут решение созрело: она наденет лосины, юбку-резинку чуть выше колена длиной и зеленый свитер из ангорки, расшитый бисером.

Веста вытащила из шкафа отобранную одежду: нужно только джемпер погладить, это быстро. Перед выходом Веста еще раз окинула себя придирчивым взглядом – вполне себе модная девушка. Правда, похудеть бы не мешало, на первом курсе они со Звановой набрали лишнее: вот тут бы убрать и тут – Веста оттянула живот и внутреннюю сторону бедер. Взять бы нож, отчекрыжить, а после зашить, и чтобы все быстро зажило. Красота бы была!

В качестве последнего штриха она повесила поверх джемпера золотую цепочку с кулоном, вдела в уши золотые же серьги, а на средний палец нацепила кольцо с печаткой, повторяющей узор кулона. Осталось дожидаться Шмелеву и выдвигаться. Как было бы классно, если бы в этом прикиде Весту увидел Лешка!

– Слушай, ты ночью ничего не слышала? – Веста все-таки не вытерпела и спросила у Люды по дороге к метро.

– Нет, – удивилась та, – а что?

– Ну как будто наверху мебель двигают, – Весте не хотелось пояснять: говорить о необычном – неприлично, как если ты одеться забыл.

– Так над нами никто не живет, – сообщила Шмелева очевидное.

– Значит, померещилось, – соскочила Веста с темы.

Выход со станции метро «Невский проспект» на канал Грибоедова носил молодежное название «Климат». Именно здесь Веста встречалась с институтскими подругами: в уличном вестибюле, отделенном от улицы арками, было тепло, благодаря согревающему воздуху из метро. Но сегодня они с Людой напрямую направились в институт: мимо Казанского собора, напоминавшего Весте орган – казалось, дотронься до колонн, и они зазвучат торжественной музыкой, пробирающей до мурашек в душе. Мимо памятников де Толли и Кутузову – благодаря фамилии, Веста чувствовала родство с ними.

Миновали Казанский сквер и свернули на одноименную улицу – там, не доходя до Воронихинского сквера, в стене дома находилась арка, а в ней – железные ворота, через которые можно попасть в институт, но сегодня дверь оказалась заперта.

– Придется через центральный, – разочарованно предложила Веста.

Девушки вернулись на Невский проспект, немного прошли вперед и свернули на набережную реки Мойки. Через парадные ворота Веста ходила редко – в тех случаях, когда входы с Казанской и Гороховой улиц были закрыты. Впрочем, входом с Гороховой улицы Веста поль-

зовалась еще реже – когда по какой-то необходимости приходилось добираться от Сенной площади. Оттуда пешком далековато, надо ждать еще троллейбус, а это лишние расходы и время.

Парадные ворота возвышались над оградой: белые колонны в желтых стенах – по две с каждой стороны, сверху дуга, в ней барельеф с пеликаном, выкармливающим птенцов. Веста толкнула кованую решетку и вошла на территорию института.

Основной корпус был выкрашен в те же цвета, что и парадные ворота – блекло желтый, Весте он казался скучным и больным. В Ленинграде ей не хватало ярких красок – здесь царствовали приглушенные тона, словно город стеснялся мещанской пестроты. В Одессе, в которой Веста была в девятом классе, ее поразили разноцветные здания – это было одно из самых ярких впечатлений поездки, до этого девушке и в голову не приходило, что так можно. Но, несмотря на этот недостаток, Веста любила Ленинград – он проник к ней под кожу, стал ее дыханием и смыслом на несколько лет.

Девушки миновали памятник Ушинскому и свернули направо – к факультету математики. Веста невольно вспомнила, как впервые попала в ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. Это произошло полтора года назад – в день открытых дверей.

Она приехала на поезде вместе с одноклассницей и ее мамой; они долго – целую вечность – шагали по бесконечному Невскому проспекту до института, так что Веста устала – расстояния тут были огромные. Затем вошли в главный корпус, а потом Веста отстала и потерялась. Она пошла наобум по такому же бескрайнему, как Невский проспект, коридору: совершенно одна, только лампочки приглушенно горели. Каким-то чудом ей удалось найти аудиторию, где проходила встреча с руководством факультета. Видимо, сам бог математики был на ее стороне.

...Веста и Люда нырнули под козырек, прикрывающий вход в первый корпус, прошли мимо охраны, предъявив студенческие билеты, и поднялись на второй этаж. Насколько Веста не любила учиться в школе (не саму учебу, а школу), настолько ей нравилось в вузе: это было место, словно специально созданное для нее.

Сегодня коридоры были пусты. Через день они наполнятся студентами: на первое сентября, приходящееся на субботу, вклеили учебный день, пусть и всего две пары. Веста подошла к расписанию и списала его в блокнот, заодно изучила, кто и что будет вести. Ну, почти без изменений, чему Веста была рада – все-таки в этом смысле второму потоку повезло гораздо больше, чем первому. У второго потока только Лукшин зверствовал, а на первом – сразу несколько, одна тетя Хобот чего стоит!

Алгебра, геометрия, матан, дискретная математика, теория вероятности... Физкультура, методика преподавания... По средам – курсы подготовки медсестер гражданской обороны – Веста еще раз проглядела расписание, чтобы понять, когда кровь из носа надо быть в институте, а когда можно и забить.

– Ты все? – окликнула Люда.

– Нет еще, – Веста решила посмотреть и Лешкино расписание, хотя какая ей разница.

Появились девчонки из Людиной группы, и Шмелева осталась с ними, а Веста решила прогуляться по Невскому. Она вернулась тем же маршрутом к Казанскому собору, после – на угол напротив метро, там располагалась «Оптика»; Веста зашла внутрь. Она давно мечтала купить красивые очки, чтобы можно было носить их и на улице, потому что надоело чувствовать себя слепым котенком.

Оправы на витрине, откровенно говоря, были страшные. Веста посмотрела парочку для приличия, но купить не решилась: смысл менять шило на мыло? У нее уже есть похожие. Возле выхода терлась какая-то женщина, она и окликнула девушку:

– У вас какой минус?

– Пять с половиной, – Веста ответила исключительно из вежливости.

– Может, посмотрите? – женщина выудила из потрепанного ридикюля футляр с очками.
– Мне не подошли, – и протянула их Весте.

Очки были, что надо! Красивая оправа светло-шоколадного цвета, хорошая видимость – Веста с удовольствием повертелась перед зеркалом.

– Хамелеон, – пояснила женщина. – Они на улице темнеют.

Веста обрадовалась: вот это удача! Их точно можно на улице не снимать, все будут думать, что это солнечные очки, и никто не заподозрит, что Веста – просто очкарик. В обычном мире носить очки – ничего странного, но не в Вестином. За ношение очков в родном городе прилетала безжалостная кличка «очкарик», плюс, редкое имя – Веста, которое тоже вызывало вопросы у неумных людей – дебилские вопросы, надо заметить. Так что Веста старалась обходиться без очков, хотя это создавало дурацкие ситуации.

...По улице Веста шла в очках! Стекла и в самом деле стали дымчатыми, отчего Веста испытала восторг – как же классно! Можно идти и всё и всех видеть! Какая она умница-разумница, так удачно купила необходимую вещь! Веста на радостях решила зайти в «Лягушатник» – кафе-мороженое так прозвали за зеленый цвет стен и мебели. Кафе располагалось напротив Казанского собора, так что Весте пришлось перейти проспект и вернуться немного назад.

На втором этаже, где располагались столики, свободных мест не оказалось, пришлось спускаться на первый. Веста отстояла общую очередь и заказала сливочное мороженое с шоколадной крошкой и сиропом. Она взяла креманку и встала за высокий столик рядом с еще одной женщиной.

Веста неспешно смаковала мороженое, ощущая, как тает оно во рту, разливается сладкой лужицей на языке. Она сняла очки: что разглядывать в мороженице? Посторонних людей? А так можно отгородиться от мира, сделать его расплывчатым и далеким, погрузиться в мечты, остаться одной посреди наполненного людьми пространства. Весте не было скучно с собой, она умела придумывать миры и истории, где становилась главной героиней, и где все было именно так, как она хочет.

Веста доела мороженое, тщательно выскребав ложкой остатки его со дна креманки. Была бы Веста дома, еще бы и облизала: все самое вкусное почему-то оказывается именно в этих последних каплях и крошках, как нарочно. Жаль, что нельзя взять еще пару чайных ложек мороженого – на посошок. Она отставила креманку и потянулась за очками – пора ехать в общежитие. Веста взяла очки и в недоумении застыла: одно стекло осталось лежать на столике.

Глава четвертая. Факультет математики

Лены приехали в пятницу, после полудня. Веста к тому времени успела все окончательно расставить по местам и сделать уборку. Девчонки привезли продукты и картошку в ящиках – надолго хватит.

– Ну, ты как? – спросила Ванечка, когда родители Кукушкиной уехали.

Когда в мире вокруг тебя полно Елен, приходится как-то выкручиваться. Можно, конечно, называть их Еленой Премудрой, Еленой Прекрасной и так далее, как воображение подскажет, но чаще на выручку приходило прозвище.

Ванечка получила сокращение от фамилии – Званова, Кукушкину переименовали в Куксю. Обе Лены были выше среднего роста и голубоглазые – на этом их сходство заканчивалось. Ванечка обладала густыми русыми волосами длиной до плеч и округлыми формами тела, Кукся была тоща, как доска. Она коротко стриглась и делала химическую завивку, что делало ее похожей на одуванчик.

– Очки купила, – Веста продемонстрировала недавнюю покупку.

Когда она обнаружила, что стекло выпадает из оправы, конечно же, вернулась в «Оптику». Женщины, продавшей Весте очки, там не оказалось, да и странно было ожидать увидеть ее в «Оптике» – небось, сразу же слиняла. Теперь Весте стало понятно, почему очки женщине «не подошли» – та обнаружила брак и толкнула их лохушке-Весте.

Веста спросила в магазине, можно ли как-то отремонтировать очки, но ее заверили, что нет, и даже другую оправу не подобрать. Веста вставила стекло обратно, но радость покупки омрачилась: она нечасто сталкивалась с таким неприкрытым обманом. Теперь придется постоянно караулить, чтобы не потерять стекло, и на улице очки уже не поносишь.

Лены Весте посочувствовали: происшедшее с ней было несправедливо и обидно.

– Магадана-то видела? – поинтересовалась Кукся.

Веста угукнула, больше с Лешкой она не пересекалась.

– И как? – осторожно спросила Ванечка.

– Никак, – с досадой ответила Веста.

– Вот дурак, – подытожила Кукся, и Веста была с ней полностью согласна.

Лены разбрелись по соседкам: здороваться, узнавать расписание, обмениваться сплетнями, а Веста поставила чайник.

Ванечка вернулась не одна, вместе с ней завалился радостный Темчинов. С ними все было ясно: Сашка не скрывал, что ему нравится Званова, но Ванечка события не форсировала, хотя Темчинов ей тоже был симпатичен. Сашка, как и Лешка, учился на третьем курсе, он жил в одной комнате с Достойным.

– Как дела? – для порядка спросил Темчинов.

– Понемногу, – ответила Веста тоже для проформы.

С Сашкой было просто; наверное, потому, что она точно знала, что не нравится ему, как и он ей. Возвратилась Кукся, она принесла вскипевший чайник.

– Я в пионерском лагере три смены отработал, – сообщил Темчинов.

– И как? – Ванечка заварила чай – не за пустым же столом гостя принимать.

– На последней смене первый отряд достался. Провожу я утром зарядку. Говорю: «Руки перед грудью», – Сашка изобразил упражнение. – А там девица одна была, рыхлая, все из себя что-то строила. И на отвали начала делать, – Темчинов снова исполнил упражнение, только руки в этот раз находились на уровне талии. – Ну, я и спросил ее: у тебя титки, что, до пупа растут?

– Помогло? – Кукся и Веста переглянулись: все же у Сашки отсутствовало понятие уместности подобных шуток.

– Прикиньте. Сразу стала махать, как положено.

Ванечка разлила чай по кружкам, и в тот же миг в дверь постучали. Веста была готова биться об заклад, что это Магадан – у него имелось сверхчутье на тот самый момент, когда на столе двести сорок четвертой комнаты появлялась еда. Веста открыла дверь: да, это был он.

Впятером было тесновато, зато Веста могла сидеть вплотную к Лешке и чувствовать его тело. Ее бедро касалось его, Магадан не отодвигался, они с Темчиновым подкалывали друг друга, Веста и Лены смеялись. У Весты возникло ощущение тихого счастья: как хорошо, что Лешка рядом, они касаются друг друга и беззаботно веселятся, и, кажется, так будет всегда. Хотелось запечатать этот момент в памяти, чтобы доставать его в минуты отчаяния и греться, словно у огня.

После приезда Лен Веста выдохнула: с ними не так страшно. Звуки, испугавшие ее в первую ночь, не повторились, но все равно ночь накануне приезда соседок она провела при свете лампы. Она проваливалась в сон и тут же распахивала глаза, ее нервы были напряжены, Веста вздрагивала от малейшего шума. Чего она боялась, Веста не смогла бы точно сформулировать. Наверное, странного – не уместающегося в привычные рамки действительности, того, из-за чего придется признать – мир совсем не такой, каким видят его материалисты.

Первого сентября Веста приехала в вуз к десяти утра – хоть не вскакивать спозаранку, в субботу занятия начинались позже обычного. Рядом с расписанием висела стенгазета «Будни матфака», возле нее столпились студенты. Веста просочилась сквозь толпу: что там интересного?

Оказывается, все зачитывались стихотворением девчонки с Вестиного курса, она училась на первом потоке. Стихотворение было посвящено Лукшину, который вел практику по матанализу:

*«Духовной жаждой томим,
По институту я влачился.
Андрей Сергеевич Лукшин
На перепутье мне случился.
И понял я: мое призванье –
Не матанализ, я пишу!
Я тотчас с Лукшиным расстался,
Но до сих пор душа болит».*¹

Весту стих позабавил: все точно, с Лукшиным не забалуешь, это единственный препод, по предмету которого шестая группа делала домашние задания.

Группа, в которой училась Веста, была уникальной на факультете. Во-первых, у них никто не вылетел – ни после первого семестра, ни после второго – небывалое достижение для факультета математики. Лукшин, который достался шестой группе после новогодних праздников, аж два раза переспросил, когда они ответили, что группа потерь не понесла.

Самым сложным для первокурсников оказался курс «Введение в алгебру и математический анализ», по его итогам в конце первого семестра писали контрольную. Из ста пятидесяти человек с первого раза лишь двое написали на четверку и тридцать – на тройку. Веста, прогулявшая большую часть занятий, умудрилась получить тройку

Татьяна Федоровна, которая вела занятия, заметила, что если бы Веста посещала ее предмет, то написала бы на четверку, на что Веста мысленно возмутилась: какая четверка?! Не

¹ Студенческий фольклор, автор неизвестен

меньше пятерки! Не зря же она победительница школьных и районных олимпиад, ей такие задания – раз плюнуть. Третью курса, в итоге, после первого семестра вылетела, а шестая группа – ни-ни, осталась в целости и сохранности.

Во-вторых, шестая группа, кроме нескольких заучек, не делала домашние задания. Преподаватели, конечно, пытались продавить домашку, только все зря – группа игнорировала их усилия. Единственное исключение – практические занятия по матанализу, потому что с Лукшиным было сложно: против лома нет приема – из-за него легко можно вылететь из института.

– Салют, Вестище! – прямо в ухо завопила Ренитка, хорошо, что на шее не повисла – с нее могло стать.

Веста обрадовалась: она очень соскучилась по Рените и Мартине, двум своим подругам из группы.

– Ры! – заорала она в ответ, и Ренитка захохотала, как сумасшедшая.

У них сложилась прибабахнутая компашка – тусовка, где быть странным не возбранялось, а, наоборот, тщательно приветствовалось, и основательницей их компашки являлась Ренита Рыкус – для друзей просто Ры.

Ренитка, вообще-то, сперва училась в пятой группе, где изнывала от скуки среди правильных девиц – парней там вообще не было. С Вестой и Мартиной они пересекались на лекциях, и Ренита сразу положила на них глаз. Треп на лекциях? Запросто! Прогулы этих лекций? Тоже! Поржать? Да! Ренита нашла родственные души, а потому после первого семестра слезно уговорила деканат перевести ее в шестую группу. Тем более, дело Мартиной и Вестой не ограничивалось – компания разрослась до восьми участников. «Белоснежка и семь гномов», – охарактеризовала компашку все та же Ренитка; роль Белоснежки выпала Павлику.

Коридор наполнился студентами, Веста только и успевала здороваться и махать рукой. Подросла и Мартина Варганова.

– Ладно, пошли на лекцию, – на субботу поставили психологию и философию – необязательные предметы, на которые можно забить, что Веста обычно и делала.

Аудитория походила на кинозал: каждый ряд выше предыдущего, это было удобно: видно лектора и доску. Веста, Ренитка и Мартина сели на один ряд. Рядом с ними разместились Галочка Кравчук и Юлька Мумрикова – тоже из компашки. Павлик Костюков забился куда-то назад – он упорно делал вид, что сам по себе, а Ирка Каштанова и Женька Волгина заняли места рядом ниже.

Конечно, они проболтали обе лекции, наплевав на преподавателей. Конечно, кроме Галочки Кравчук – она была из тех заучек, которые в обязательном порядке делали домашку и ходили на все лекции. Чудилось, у нее даже на лбу невидимыми чернилами было выведено: золотая медалистка.

После лекций друзья вывалились во двор – вся компашка в сборе. Погода особо не радовала, но в Ленинграде на нее и не надеешься – что выдали, на том и спасибо. Главное, чтобы зонтик лежал в сумке.

– Думаю, надо куда-нибудь пойти, – на правах единственного мужчины предложил Павлик.

– Ну, уж нет, – сразу отказалась Галочка. – Мы с родителями сегодня в гости едем. Так что пока, солнышки, – она неспешно удалилась.

Ирка и Женька – неразлучная парочка – тоже свалили по своим делам. Ренитка попыталась выяснить, что за дела, но Женька принялась сочинять на ходу, а Ирка напустила на себя многозначительный вид. Ренитка после всю дорогу верещала, что никому неинтересно, куда подалась Волгина и Каштанова, но почему не сказать нормально?!

Идти решили в «Метрополь» – в кафе продавали булочки со сливками, Веста подсела на них еще с прошлого года. «Метрополь» располагался недалеко от Казанского собора – на Садовой улице, совсем рядом. В ресторан Веста с друзьями не ходили – для студентов слишком «жирно», но взять булочки в кафе – милое дело.

Веста купила три булочки и чай. Она любила взбитые сливки, правда, выяснилось это год назад – в родном городе существовали только десятипроцентные сливки, непригодные для взбивания. Она как-то попробовала их взбить, поначитавшись рецептов, и потерпела неудачу, а потом оказалось, что существуют более жирные – с ними-то и надо экспериментировать.

Веста вернулась в общагу ближе к вечеру – прошталась весь день с друзьями. Лены, словно только ее и дожидались, потащили Весту на девятый этаж – там жили девчонки из их второй группы: Ольга и еще одна Лена – по странному стечению тоже из родного города Кукси и Ванечки. Теория вероятности не приветствовала такие совпадения, но жизнь будто издевалась над теорией и щедро подкидывала Лен на Вестином пути: мода на имена – дело страшное.

Они отметили начало учебного года домашним вином, привезенным Куксей, и чаем с тортом, потом долго пели под гитару – Ванечка умела играть. Веста немного подпевала – вполголоса: из-за отсутствия слуха и голоса приходилось сдерживать душевные порывы.

*«Вокзал был зябкий, неживой –
Вокзал несбывшегося чуда.
Вокзал холодный и немой,
А у меня опять простуда.*

*Соцветья не прошедших встреч,
Нам не собрать с тобой в гербарий.
Во льду цветов не уберечь,
Ты был любимым, а теперь...
Ты просто старый мой товарищ».*

Веста сочувствовала лирической героине песни: у нее все точно так же! От Лешки ни слов нежных не дожидаться, ни цветочка, а уж про вокзал и говорить нечего – Веста сама таскает тяжелые сумки. Эх, что же ей так не повезло? И Весте, и героине из песни, какие-то они невезучие. Настроение сделалось минорным: когда же Веста почувствует себя любимой? Что о ней заботятся, берегут, ради нее готовы на подвиги: все, как в книгах? Наверное, никогда...

В комнату девушки вернулись ближе к полуночи, и именно тогда Ванечка, зависшая перед зеркалом, критически заметила: «Не, девчонки, надо все-таки завязывать со жратвой».

Глава пятая. Совместный труд разделяет

Веста находилась на площадке с лифтами. Тот, который был ей нужен, приезжал крайне редко – по расписанию, но Весте приходилось ждать: на верхние этажи поднимались не все лифты, а лестница очень ненадежна. Сначала явился лифт с отсеками для сна, как в поезде: они были застелены белым бельем. Прыгаешь на полку и едешь, заодно можно подремать, пока поднимаешься. Затем приехал другой лифт – кабинка со шторкой – для тех, кому невтерпеж примерить обновки.

Этот тоже не подходил, но Веста устала ждать и зашла внутрь. Лифт оказался скоростной и поднимался только на сорок второй и сорок четвертый этажи, хотя в здании их было всего десять. Веста понимала, что ей придется после спускаться на нужный этаж по лестницам, которым нет веры, но оставаться внизу сил уже не было.

Затем Веста неожиданно оказалась где-то на самом верху – на площадке, от нее шли два лестничных спуска, Веста в нерешительности топталась перед ними, не решаясь ступить на предательские ступеньки. Из ниоткуда появились мужчина и женщина, они спросили Весту, как попасть вниз. Она ответила, что только на лифте, но женщина уже шагнула на ступеньку. Перила отвалились, лестница перевернулась, и женщина свалилась в пролет. Мужчина попытался ползти по лестнице, но тоже сорвался. А Веста осталась и пошла к, наконец, приехавшему лифту...

Весте часто снились лестницы, они почти всегда не внушали оптимизма: то отсутствовали ограждения, то целые пролеты. Но во снах Веста все равно поднималась по ним, рискуя жизнью и боясь до обморока. Она просыпалась с колотящимся сердцем, не понимая, где находится и зачем ей эти видения. Наверное, это было связано со страхом высоты, Веста в детстве боялась подниматься выше третьего этажа, а когда приходилось, то держалась возле стены, подальше от пролета, при взгляде в который у нее кружилась голова и подкашивались ноги.

Веста повернулась на другой бок, устраиваясь поудобнее, – еще середина ночи, трех часов нет. Мирно сопели Лены, это настраивало на дрему. Веста почти провалилась в сон, как краем сознания услышала, как по коридору кто-то пробежал. В принципе, ничего удивительного в этом звуке не было. Может, кому в туалет приспичило до такой степени, что только бегом, иначе не удержишь. Но Веста почему-то насторожилась: в памяти всплыл таинственный скрежет передвигаемой мебели в месте, которого не существовало, и слова комендантши.

Веста попыталась заснуть – утром от страхов не останется ни следа, но, как нарочно, ей захотелось в туалет. Коридор освещался, но сама мысль выйти туда внушала беспокойство. Веста с детства боялась темноты, а одно время – до паники – оставаться одна. Тогда ей примерещилось какое-то белое существо под кроватью – оно промелькнуло и исчезло, Веста не успела его толком разглядеть. Несколько месяцев, после школы, она гуляла, или сидела у подруги, или шла в гости к бабушке, возвращаясь лишь под вечер, когда должны были прийти с работы родители. Потом все как-то забылось.

Темноту, как и высоту, Веста продолжала бояться и взрослой. Ей почему-то казалось, что мрак скрывает в себе нечто, которое следит за Вестой и ждет только подходящего момента, чтобы свести счеты. Умом Веста понимала, что странная тень – от торшера, а зловещий скрип – из-за открывшейся створки шкафа, но это знание никак не избавляло ее от ужаса перед темнотой: ведь та способна притвориться чем-то иным, и в тени от торшера может прятаться совсем другая тень, а за скрипом дверцы не слышны иные звуки.

Веста пыталась заснуть, но в туалет хотелось все сильнее – не стоило пить чай перед сном. Некоторое время она боролась с искушением разбудить одну из соседок, но представила, что

они про нее подумают и что ответят. Весте понадобилось все мужество, чтобы пошевелиться, а потом сеть на кровати.

Веста приоткрыла дверь комнаты и осторожно выглянула в коридор: никого. Она быстро пошла к туалету, озираясь каждую секунду и готовая закричать, но все было спокойно. Веста нырнула в туалет и заперлась в кабинке, ей мечталось как можно скорее вернуться обратно в комнату. Горел свет, но Веста чувствовала себя уязвимо: случись что, никто на помощь не явится.

Она вслушивалась в тишину, нарушаемую лишь ее собственными звуками, нервы были словно оголенные провода, эти несколько минут, казалось, растянулись в вечность. Вернувшись, Веста с облегчением легла в постель – все, она в домике! Все-таки умеет она себя накрутить на ровном месте – особый талант! Вот всегда так: мозг ухватится за какую-нибудь несущественную деталь, а потом соберет вокруг нее снежный ком воображаемых опасностей.

Веста потянулась, чувствуя, как напряжение отпускает ее из своих тисков. Соседки по-прежнему спали, сквозь плотные занавески не пробивался ни один лучик, Веста от души зевнула: сейчас повернется на правый бок, руку положит под щеку и... она зевнула еще раз. Веста уже проваливалась в сон, как в коридоре снова кто-то пробежал.

– Нужно худеть, – Ванечка была недовольна отражением.

Веста чувствовала с ней солидарность – за прошлый год она набрала несколько лишних килограммов: округлились щеки, руки и, что самое обидное, живот.

– Да ладно, девчонки, – отмахнулась жевавшая бутерброд Кукся, – не нагнетайте.

Веста и Ванечка переглянулись: Куксе легко говорить! Она вечно что-то ест, даже ночью встает к холодильнику, а сама – кожа да кости. В этом была какая-то глобальная несправедливость: Кукся трескала еду больше всех, но сказывалось это исключительно на ее щеках.

– Надо булки меньше жрать, – вздохнула Ванечка.

Проблема! Веста, как и соседки, любила выпечку – да те же булочки со сливками! Когда вечером возвращаешься из института, частенько все конфорки заняты – всего две плиты на этаж. Да и еду приготовить время необходимо, а есть хочется прямо сейчас, аж до трясучки. Поэтому девушек выручали бутерброды: с маслом, сыром и колбасой – быстро и сытно, но эта еда – пицца боков – оборачивалась жировыми отложениями.

– Будем готовить на несколько дней, – предложила Ванечка, – чтобы просто разогревать.

Разделились на пары: Лены вдвоем, а Весте достался Магадан, раз все равно он у них столуется – Ванечка и тут порешала. Веста была не против, ей хотелось вместе с Лешкой приготовить ужин, это было бы так по-домашнему. Магадан, правда, явился взъерошенный: пересдачу он завалил.

– И что теперь? – Весте сделалось страшно, как если бы она снова посреди ночи пошла по коридору, где кто-то бежит под покровом темноты.

– На комиссию, – Леха пожал плечами.

Весту слегка отпустило: шанс есть. Главное, чтобы Лешка подготовился, а не забил на экзамен в очередной раз. Магадан был умный – вне сомнений – и математика у него легко шла, только вместе со способностями природа отсыпала ему и лени – полную пригоршню. А тут еще он с Лукшиным закусился, как назло, – именно ему Магадан и пересдавал который раз экзамен.

На ужин решили сделать сырники. Веста готовила их до этого несколько раз: творог, яйцо, мука, соль и сахар... Ничего сложного.

– Иди, – позвала она Магадана.

– Я что-то устал, – он нагло развалился на ее спальном месте.

– В смысле? – Веста возмутилась: почему она одна должна готовить?

– Я в тебя верю, – Магадан и не вздумал подняться, Лены не вмешивались.

...Веста обиженно гремела кастрюлей, размешивая в ней тесто. Магадан снова издевается! Ведь все обговорили, Лены на днях сварили суп, а сегодня очередь Весты и Лешки готовить, а он все свалил на нее. Так нечестно! Веста мысленно кипела, прислушиваясь, как Лешка и соседки ведут светскую беседу.

– Ну, пойдем! – позвала она Магадана: тесто было готово, осталось пожарить.

– Я тебе доверяю, – он снова не пошевелинулся, и Веста одна потопала на кухню.

Ничего не выходило: сырники расплзались по сковородке. Веста пыталась их перевернуть, но они разваливались на куски, становясь бесформенным нечто.

– Не получается, – расстроенная Веста принесла Ленкам результат стряпни.

Она умела готовить сырники. Пусть не ее коронное блюдо – такого у Весты никогда не имелось, но сырники обычно ей удавались. Обычно, но не в этот раз.

– Ты все в тесто положила? – Ванечка проинспектировала кастрюлю.

Магадан тоже высунул свой нос из отсека. Как помогать – так отморозился, а как проверить – в первых рядах.

– Конечно! – возмутилась Веста: не в первый раз готовит!

Кукся окинула взглядом стол:

– Веста, а муку ты клала?

Веста посмотрела на стол, на котором она замешивала тесто, – пакет с мукой на нем отсутствовал. Это была катастрофа! Веста беспомощно захлопала глазами: как она могла забыть?! Как?! Понятное дело, что из-за Магадана – думала только о нем.

– В общем, ничего страшного, – Ванечка вернула кастрюлю Весте. – Добавьте муку и...

Магадан развернулся и снова возлег на Вестином блоке, всем видом давая понять, что участвовать в стряпне он не собирается.

– Не буду! – кровь прильнула к голове. – Пусть он готовит, – разозлилась Веста. – Почему одна я?!

Ее трясло от обиды: бедная она, несчастная. Ленкам хорошо – они вдвоем, а Весте подсунули вот такого напарника, которому на нее плевать. Ванечка попробовала воззвать к Вестиней сознательности, но все было напрасно. Она натянула на себя одежду, схватила сумку и выскочила из комнаты: как хотят! А ее сил больше нет – все самой делать!

Веста ехала в метро и медленно остывала: зря она так, Лены же не виноваты, что Магадан такой упрямый и ленивый. Но все равно, почему ее с ним в пару поставили, с Лешкой же ничего совместно делать нельзя, он все на другого спихнет? И вот как с ним быть?! Веста любит его, беспокоится, но порой так и тянет отвесить Магадану подзатыльник, потому что он все нарочно делает.

Народа в метро было много – возвращались с работы, так что Весте пришлось стоять: все только и делают, что сгоняют молодежь с мест – мол, нечего тут рассиживать. Хотя Веста тоже посидеть любит, у нее от долгого стояния в глазах темнеть начинает и в ушах звон появляется. И чувство такое, что еще немного, и в обморок грохнется, пару раз на школьной линейке так и происходило.

Веста ехала к двоюродной сестре отца; тетя Наташа и не подозревала, что племянница собирается к ней в гости. Звонить и заранее предупреждать не всегда получалось, приходилось катиться в гости на свой страх и риск. Особенно от этого страдали люди, живущие в столицах, – культурной и нашей Родины. Когда нет свободных мест в гостиницах, а на вокзале ночевать не сподручно, то поедешь даже к самым дальним родственникам, а то и к случайным знакомым, и те, как правило, в приюте не отказывают.

Веста уже жила у тетки в прошлом году. Первый курс начался со сбора моркови в Шушарах, а общежитие Весте сразу не дали: сказали, что только после отработки. Когда дома собственного телефона нет, для междугородних звонков приходилось ходить на телеграф. Опе-

раторша набирала номер абонента, а потом вызывала звонящего в нужную будку, где можно было поговорить. Мама тогда пыталась дозвониться до тети Наташи, но не смогла – тетки дома не оказалось, и Весте пришлось ехать наобум. При себе у нее была только бумажка с адресом, врученная мамой.

С адресом еще повезло, Веста удачно пошла в нужном направлении, хотя заблудиться было легко, а потом спросила у случайных прохожих, и те подсказали, как лучше пройти. Тетки дома снова не было, и Веста стала ждать ее в подъезде. Хотелось пить, есть и в туалет, но куда идти, если тетка так и не придет, Веста не понимала. Наверное, все-таки на вокзал.

Хорошо, появился сосед и приютил Весту на час, а потом, наконец, возвратилась и тетя Наташа. Веста у нее прожила три дня, а после все же выбила место в общежитии и переехала.

...У двоюродной тетки Веста пробыла недолго – завтра в институт. Тетка лишних вопросов племяннице не задавала – ограничилась «как дела?» – и угостила ужином. Они немного поболтали, и в общежитие Веста вернулась ближе к десяти вечера, почти совсем успокоившаяся. И снова, как в конце августа, на подходе к студенческому городку, ей почудилось, что четвертый корпус выпал из пространства.

Вот только что стоял параллелепипед, отделанный серым облицовочным кирпичом и синими вставками под окнами, один-в-один с соседними зданиями, и – раз! – нет его. Словно кто-то невидимый огромными ножницами вырезал корпус из реальности вместе со всеми его обитателями, а зашить прореху не успел. А потом – бац! – и все вернулось, будто с Вестой какой морок приключился.

Ее охватило беспокойство: может, что-то со зрением, и она слепнет? Но как-то выборочно: часть мира Веста видит, а часть его – нет. Наверное, надо с кем-нибудь посоветоваться: вдруг у кого-то тоже так было?

– Ешь сырники, – примиряюще сказала Ванечка, когда Веста возвратилась.

– Я в гостях поела, – отказалась Веста; спросить Лен о странностях зрения она не решилась.

Соседки проявили понимание и Весте за ее вспышку выговаривать не стали. Магадан уже смотался к себе. Да и что ему было тут делать после ужина?

– Лешка и приготовил, как ты ушла, – Кукся оторвалась от тетради: во второй группе домашку делали, поэтому Ленки часами корпели над заданиями.

– Сволочь, – Веста переоделась: нужно умыться и спать, иначе она с утра просто не встанет – Веста любила поспать.

– Мы же хотели, чтобы вы с ним вместе, – объяснила Ванечка, – а то вы с Магаданом, как несведенные. Нравитесь друг другу, а ничего не получается.

Веста лишь рукой махнула: разве это нравишься? Парни обычно заботятся о девушках, которые им симпатичны, а Лешка... одно мучение с ним. И как Веста умудрилась так вляпаться?

Глава шестая. Единичная матрица

На грани отчисления оказался не только Магадан – в соседней комнате переживала Манюня: пышнотелая девица, косившая под женщину-вамп и позиционировавшая себя в качестве пожирательницы мужских сердец. Про Манюню ходил анекдот. Точнее, это было истинной правдой, но звучало как анекдот.

На первом курсе Манюня сдавала алгебру. В предмете она плавала, но экзаменатор всеми силами давал ей шанс получить тройку.

– Сколько элементов в единичной матрице? – подкинул он не соломинку, а целый плот, на котором вполне могла уместиться команда тонущего корабля.

Манюня заметалась: она в упор не помнила ничего ни про матрицы, ни, тем более, про единичные матрицы. Однокурсники словили мощный сигнал «SOS», который Манюня передавала глазами, щедро обведенными черным карандашом. Кто-то показал ей два пальца: в единичной матрице было всего два элемента – ноль и единица.

Запаниковавшая Манюня подсказку поняла несколько иначе: поднятые указательный и средний палец образовали латинскую буку – V.

– Пять, – уверенно ответила она: букве «V» в римских цифрах соответствовала пятерка.

Все, кто находился в аудитории в тот момент, содрогнулись от смеха. Препад тоже, но Манюня все равно отправилась на пересдачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.